

Пьеса - «Мартин Лютер — магистр свободных искусств»

В своих воспоминаниях Мартин Лютер неоднократно называл город Эрфурт «плодоносящим Вифлеемом». Здесь с 1501 до 1505 года он учился в университете, но вскоре после его окончания неожиданно для всех избрал для себя «новый путь». Он стал монахом августинского монастыря. Но что стало истинной причиной его решения посвятить свою жизнь богу?!

Действие пьесы происходит в последние дни его студенческой и светской жизни в Эрфурте. Отправляясь в трактир, чтобы отметить в кругу своих друзей свое второе научное звание, его неожиданно посещает ученик латинской школы из Айзенаха, города, который сам Лютер называл «любимым». Встреча с этим неизвестным навсегда изменит старый мир, который вскоре из католического станет лютеранским! Кто же скрывается в облике ученика латинской школы, нам и предстоит узнать?!

Исторические персонажи уже застыли за кулисами времени, и ждут лишь того, чтобы погас свет в зрительном зале, и открылся старый и пыльный занавес. Вы слышите их голоса? Я уже слышу...

Действующие лица:

1. Мартин Лютер - магистр
2. Кротус Рубианус – друг, магистра
3. Неизвестный ученик латинской школы из Айзенаха.

Студенческое общежитие. Большая комната на пять человек. Несколько окон проливают вечерний свет в холодное и мрачное помещение. Кровати студентов стоят как справа, так и слева. Две скамьи стоят возле общего длинного стола. В центре на стене висит деревянное распятие Христа. В комнату входит Кротус Рубианус.

Кротус. Ну, что так долго Мартин?! Тебя давно все ждут.

Мартин. Сейчас.

Кротус. Поторопись.

Мартин. Ну, ты же видишь, я почти готов. Куда-то мой кинжал запропастился!

Кротус. Зачем он тебе?

Мартин. Где ты видел студента без кинжала?

Кротус. Твоя, правда — никогда не видел. Но сейчас, он ни к чему. Если хочешь, возьми мой (протягивает свой кинжал).

Мартин (ищет дальше). Твой мне не нужен.

Кротус. Пока мы найдем его, пройти может целая вечность.

Мартин. Я, кажется, все пересмотрел.

Кротус (неодобрительно осматривает беспорядок). Ты всю комнату перевернул. Нельзя же так! Эй, кинжал, где ты?

Мартин (зло). Да, где же он на самом деле?

Кротус. В трактире уже всю гуляют!..

Мартин. И мы еще свое возьмем. С лихвою, наверстаем.

Кротус. Ты говорил мне, что твой отец несусветный скряга. Кто бы мог подумать, что он отвалит такие деньги на торжество твоё.

Мартин. К этому событию я не имею отношение.

Кротус. То есть как! Чей тогда мы титул отмечаем?

Мартин. Титул моего отца. Я только средство для его гордыни.

Кротус. Поэтому ты так щедр, что все решил потратить до гроша?

Мартин. ...По настоянию отца. Вчера я получил от него письмо, где он впервые обращается ко мне - на вы.

Кротус (крестится). Святая Анна! Тебя на вы! Быть этого не может.

Мартин. Сам удивляюсь.

Кротус. Ну, значит, заслужил. Ты преуспел в учебе как никто другой. Теперь ты — магистр всех искусств свободных. Вот отец и горд, и рад за сына!

Мартин. Я повторяю тебе снова, что горд он только за себя.

Кротус. Мартин, ты не справедлив. Он твой отец, который тебя... любит. И кстати, ты его тоже.

Мартин. Не говори того, чего не знаешь.

Кротус. Ну, пусть по-своему, но все же любит.

Мартин (нервно). Кротус лучше помолчи.

Кротус. Разве я что-то лишнее сказал? Я же вижу, как ты скучаешь по нему!

Мартин бросает шапку в лицо Кротуса.

Кротус. Ты так же горд и самолюбив, как твой отец. И даже больше я тебе скажу: старик потратил целое состояние, чтоб ты учиться мог. Так неужели он не заслужил хоть пару добрых слов?!

Мартин (не обращает внимания на последние слова своего друга). Мы, кажется, спешили.

Кротус. И, правда. Лютню, захвати.

Мартин. Это еще зачем?

Кротус. Сегодня ты нам сыграешь и споешь

Мартин. Прости, но я не в голосе и не в настроение.

Кротус. Тогда зачем, а главное кому весь этот пир?

Мартин. Неужели нам снова предстоит, наш разговор начать сначала. Отец...

Кротус. Опять ты говоришь о нем! Какой ты странный, право слово. (Раздается удар колокола.) Слышишь, половина восьмого. Нам пора! Еще мгновение и двери в светский мир закроются для нас. И самое обидное, что перед самым носом. Вперёд же, Мартин и с пользой проведем остаток вечера и всю таинственную ночь. Скажу тебе, что перед будущим весельем эти стены наводят на меня еще большую печаль.

Мартин. То ли будет, когда нам снова сюда придется возвращаться.

Кротус. Узнаю, старого приятеля. Нельзя же так тоскливо смотреть на то, что случится после.

Мартин. Чему быть того не миновать! Пойдем.

Кротус. Я уже вижу, как тебя будут приветствовать все собравшиеся: с зажженными факелами и здравицами в честь магистра свободных искусств.

Мартин. И его друга! Скоро мы отметим и твоего магистра.

Кротус (подходит к распятию и крестится). Дай Бог! (Но тут же пятится от него.) Ну, Мартин, такого я не ждал, даже от тебя.

Мартин. И в чем на этот раз я провинился?

Кротус. Ты, кажется, искал кинжал, так вот, я его нашел.

Мартин. И где же он?

Кротус. Сам полюбуйся, на распятие. Лезвие клинка в груди Христа. (Вынимает кинжал.) Это знаешь, богохульство, за которое не только отлучением от церкви, но и жизнью можно заплатить.

Мартин. Не знаю, как это могло произойти!

Кротус. Ну, ладно бы, бакалавр от скуки бросал ножи в распятие, но магистру этим заниматься, не пристало. Стыдись!

Мартин (как будто раскаявшись). Мне стыдно.

Кротус. В твое раскаяние мне верится с трудом. За грех такой ты должен заплатить другим... грехом.

Мартин. Ты хотел сказать: обетом и постом.

Кротус. Искать не стоит легкие пути. Тяжелый грех смывают только тяжким. Так что

приготовься!

Мартин. Всегда готов.

Кротус. Тогда мне поклянись, что сегодняшнюю ночь ты проведешь в таком разгуле и разврате, каких наш набожный университет, не знал еще.

Мартин. Боюсь, что для меня ты ставишь невыполнимую задачу. Но, слава богу, опыт припасен. Не в первый раз.

Кротус (говорит пасторским голосом). А я заранее все тебе грехи прощаю: и нынешние и будущие. Да будет так!

Мартин. Аминь.

Рубианус и Лютер подходят к двери.

Кротус. Ах, да, чуть не забыл. Представь себе, когда я из корчмы к тебе спешил, то в дверях нашей бурсы со школяром латинской школы повстречался. Так он непременно хотел видеть, представь себе кого?

Мартин. Не знаю.

Кротус. Тебя!

Мартин. Меня! Зачем?

Кротус. Это неизвестно мне.

Мартин. Ты шутишь?

Кротус. С великой радостью, тебя бы на смех поднял, но знаю, как затем сам сильно пострадаю. Ведь твой язык - острей ножа!

Мартин. В таком таланте я примечен не был, чтоб дворянина довести до слез.

И все-таки я ничего не понимаю. Какой школяр?

Кротус. Юнец какой-то.

Мартин. Ты что его прогнал?

Кротус. И да, и нет.

Мартин. Что ж было надо от меня ему?

Кротус. Он этого мне не сказал, лишь заявил: «Что хотел бы видеть Лютера - бакалавра».

Мартин. А ты?

Кротус. Я сказал, что такого студента вообще не знаю!

Мартин. Как не знаешь?!

Кротус. Очень просто. Мне знаком магистр Мартин Лютер, а не какой-то там, бакалавр.

Мартин. Тогда сегодня же, свой первый тост я провозглашу за будущего магистра - Кротуса Рубиануса.

Кротус. Вот за язык тебя, как раз никто и не тянул. Жаль одного, что все равно не научусь играть, как ты на лютне

Мартин. При должном старании наука эта покориться всем. Ну, поспешим

Кротус. Постой.

Мартин. Теперь ты задерживаешь нас!

Кротус. Так что же делать с тем, кто непременно хотел с тобой сегодня повидаться?

Мартин. Ты о Гертруде?

Кротус. Нет, я не ее имел в виду. Кстати, она приглашена?

Мартин. Попробовал бы я о ней забыть на время. Ты представляешь, чтобы началось.

К тому же Гертруда приведет свою подругу.

Кротус. Хорошенькую?

Мартин. Вполне.

Кротус. Все-таки хорошо, что у тебя есть верный друг, который за тебя в огонь и в воду. Ты сколько заплатил трактирщику?

Мартин. Сошлись на той же сумме, которую он запросил сначала.

Кротус. Ты что же с ним совсем не торговался?

Мартин. Нет.

Кротус. Какой же, ты к чертям собачьим, крестьянский сын! Жадности в тебе ни на единый грош.

Мартин. Я на друзьях, и на отце не экономлю.

Кротус. За это мы тебя и любим, Мартин. Тогда в трактир!

Мартин. А помолиться?

Кротус. Давно я помолился: и за себя, и за тебя, и представь ... за всех!

Мартин. Когда же?

Кротус. Еще на той неделе помнишь, я целых две минуты стоял у алтаря и так неистово крестился, что святой отец подумал, что в меня, то, ли ангел, то, ли бес вселился.

Мартин. Ну, а сейчас?

Кротус. Сейчас нет времени, да, и силы надо поберечь.

Рубианус открывает дверь и видит школяра.

Кротус (школяру). Ты еще здесь?

Мартин. Кому ты это Кротус говоришь?

Кротус. Латинянину. Представь, стоит за дверью и подслушивает нас, небось!

Мартин. Так что школяр, здесь?

Кротус. Стоит в нашем коридоре.

Мартин. Как все не вовремя.

Кротус. Так что ему сказать?

Мартин. Побереги слова. (Пауза.) Так и быть - пусть заходит.

Кротус. Может лучше завтра, пусть зайдет к тебе?

Мартин. Ну, ты же знаешь Кротус... Завтра будем мы не в форме!

Кротус. Тогда я прогоню его сейчас.

Мартин. Неудобно. Зови!

Кротус. Но времени и так в обрез. Я слышу, как гремит ключами комендант. Сейчас закроет он входную дверь, и мы тогда пропали.

Мартин. Не преувеличивай. Наш разговор займёт, от силы одну минуту, может две.

Кротус. Смотри, не больше. Не то, я все Гертруде расскажу. Я подожду тебя за дверью. (Обращается к неизвестному.) Магистр свободных искусств Мартин Лютер, ждет тебя!

Школяр. Благодарю (заходит в комнату).

Мартин. Что ты хотел?

Школяр. Добрый вечер.

Мартин. Да, добрый вечер. Но ближе к делу.

Школяр. Вы что уже торопитесь, господин магистр?

Мартин. Очень. Ты говорят, приехал из Айзенаха. Путь не близкий....

Школяр. Ваша, правда, уважаемый магистр. Дорога заняла три дня и две бессонных ночи.

Мартин. И что же привело тебя ко мне?

Школяр. Порой не жажда знаний, а любопытство толкает нас на опасный путь, не так ли, уважаемый магистр?

Мартин. Что ты заладил магистр, да, магистр. Называй меня просто, Мартин.

Школяр. Такая честь для меня, магистр.

Мартин. Так какое любопытство тебе покоя не дает: ни днем, ни ночью.

Школяр. То, что сильнее меня и заставляет ученика превзойти в своих знаниях своего учителя.

Мартин. Ты что привез письмо от моего учителя? (Не дождавшись ответа, Лютер рассуждает.) Странно, не думал, что когда-нибудь получу письмо от того, кто меня так презирал и ненавидел.

Школяр. Но все дело, видите ли, в том...

Мартин. Удивительно, но твой голос мне кажется знакомым. Хоть я совсем не узнаю тебя. Мы ранее встречались?

Школяр. Но ведь вы, магистр, закончили ту же школу, в которой я учусь сейчас. Все мы еще гордиться будем этим фактом!

Мартин. Что за чушь сейчас ты мелешь! Ты что, видел меня в школе?

Школяр. Да.

Мартин. А я тебя, вот, не припомню. Но здесь темно. Пройди к окну, чтобы я мог тебя получше рассмотреть.

Школяр (возмущенно). Что меня разглядывать. Я не девица!

Мартин. Действительно. Тогда давай письмо.

Школяр. Но у меня нет, письма. (Пауза.) Я потерял его.

Мартин. Ты так об этом говоришь, словно гордишься этим фактом. Но гонца не отправляют в путь, не снабдив его словами, адресата. Я прав?

Школяр. Вы правы как всегда, магистр. Но к несчастью, в дороге я все слова забыл.

Мартин. Забыл?!

Школяр. Увы.

В комнату входит Рубианус.

Кротус. Ну что, «философ» ты закончил свой прием?

Мартин. Я его не начинал еще. Полюбуйся на непутевого гонца. Он должен был, письмо мне привести, но потерял его, а все слова от автора письма в дороге позабыл.

Кротус. Что все слова?

Мартин. Представь себе.

Кротус. Ни одного в пустой его башке не задержалось?!

Школяр (весело подтверждает). Ни одного!

Кротус. Какой ты неуч! Ты самый глупый из всех, кого я знаю.

Школяр. И всех кого не знаете.

Кротус. Поговори еще! Таких учеников из школы надо гнать в три шеи. (Обращается к Лютеру.) Философ, еще несколько минут, и дверь захлопнется в нашей мышеловке.

Мартин. Допустим, ты все слова забыл, тогда ответь, от кого ты должен был, мне передать привет! Надеюсь, ты хоть это помнишь?

Школяр. Помню!

Кротус (крестится). Как говорится и на том спасибо. Со временем ты, Мартин, все узнаешь о содержании письма. Ну, что ты смотришь на меня, так пристально школяр? Отвечай, кто был этим адресатом из Айзенаха?!

Мартин. Что ты взъелся, Кротус, на юнца?

Кротус. Ты что, оглох, я тебя спрашиваю!

Школяр. Эта новость не для больших ушей.

Кротус. Что ты сказал?

Школяр. Могу и повторить.

Кротус. Рискни своим здоровьем.

Школяр. Тому, у кого не только большие, как у осла с рожденья уши, но и длинный, любопытный нос, я не скажу ни слова.

Кротус. Клянусь всеми святыми, я его сейчас поколочу!

Мартин. За что?

Кротус. Ты что не слышал, что мне школяр уже успел наговорить!

Мартин. И что же?

Кротус. Он намекал на мои длинные уши.

Школяр. Я не намекал.

Кротус. Так он даже и не намекал. Он прямо все сказал. (Подходит к ученику и хочет поднять руку на него.)

Мартин. Остынь, Кротус. Это какое-то недоразумение. Ведь так?

Школяр. Конечно... нет, магистр.

Кротус. Ну, что я говорил тебе. Я проучу его сейчас.
Школяр. Про уши я готов все свои слова, пожалуй, взять обратно...
Мартин. Вот видишь, Кротус. Он сам все осознал.
Школяр. Когда в наличие такой длинный нос, то, об ушах можно и промолчать.
Кротус. Ну, погоди, тщедушная душа, тебе недолго томиться в злобном теле. Молись!
Школяр. За вас охотно.
Кротус. Я убью сейчас тебя, а тело брошу в реку. Вот будут раки, рады.
Школяр. Не пугай, не из пугливых.
Кротус. Меньше блохи, а кусает, как матерый волк.
Мартин. Ну, подурачились и хватит. Так от кого послание, школяр? (Ученик молчит.) (Пауза.)
Оставь нас на мгновение, Кротус.
Кротус (оскорблено). Я что мешаю?! Ну, как знаешь! Чужие тайны мне и даром не нужны.
Мартин. Пожалуй, пора зажечь одну свечу.
Кротус. Какую там еще свечу! Ты спятил, нас же ждут!
Мартин (зажигает свечу). Терпение мой друг и мы с тобой везде успеем.
Кротус. Ну, хорошо. Но только два слова наедине, и выпроводи вон неуча, философ.

Рубианус выходит из комнаты.

Школяр. Философ! Почему философ?
Мартин. Это мое прозвище.
Школяр. На философском факультете такой титул заслужить совсем не просто.
Мартин. Меня никто не спрашивал, нравится мне это прозвище или нет.
Школяр. А я бы непременно им гордилась!
Мартин. Ты хотел сказать гордился.
Школяр. Да, я оговорился. Конечно же, гордился.
Мартин. Но гордыня, пожалуй, самый тяжкий грех. Начало всем порокам. Семя, из которого прорастает зло, которое стократно затем заколосится. И нет спасения душе заблудшей.
Школяр. Хочу сказать, что титул философа вы носите по праву.
Мартин. Но ближе к делу. Так от кого, я так и не дождусь заветных слов?
Школяр. Магистр, вам что-то говорит фамилия такая, Гота?
Мартин. Как ты сказал... Гота?
Школяр. Да, я так сказал и больше повторять её не стану.
Мартин. Нет, надобности. Семью я эту отлично, знаю. Так кто же мне шлет привет?
Школяр. А кто бы вы хотели, чтобы он или она приветствие своё вам передал?
Мартин (начинает заметно нервничать). Тебе то что? Ты просто ответь мне на вопрос!
Школяр. Но я же вам назвал, магистр, адресата.
Мартин. Тебя и впрямь бы, не мешало проучить. Да, не досуг.
Школяр. Понимаю, вы торопитесь на встречу с красавицей Гертрудой.
Мартин. Так ты все слышал?
Школяр. Дверь была не полностью прикрыта, а я с рождения не страдаю глухотой.
Мартин. И от стыда я вижу, ты не провалишься сквозь землю.
Школяр. В следующем году хочу я поступать на медицинский факультет, поэтому мне бы не мешало, заранее узнать, что здесь творится. А что, девушки из Эрфурта лучше, чем из Айзенаха?
Мартин (отчитывает ученика). Тебе учиться надо, а не помышлять о плодах запретных. Ведь это грех.
Школяр. Но заметьте, такой приятный господин магистр.
Мартин. Мне жаль тебя, такой юный, а уже испорчен.
Школяр. На вашу жалость отплатить могу вам тем же. Как жаль мне вас, магистр Мартин Лютер!
Мартин. Час от часу не легче. И почему же ты решил пожалеть меня?

Школяр. Вы ищите веселья там, где его не было, и никогда не будет.

Мартин. Ты тоже вздумал поучать меня! Так скажу тебе, что учителей в моей жизни было слишком много. И каждый норовил своё учение мне навязать, и никто за столько лет, так и не удосужился меня спросить, о чем я думаю на самом деле!

Школяр. И о чем же?

Мартин. Что мир наш, увы, не совершенен, и я, такое же его дитя, зачатое в грехе и через жизнь я к неминуемой гибели своей бреду. Тогда зачем же, останавливать себя?

Пусть все идет, как прежде, своим грешным и распутным чередом.

Школяр. Но как же бессмертная душа?

Мартин. А вот души моей руками не касайся. Что в ней, неизвестно даже мне. (Пауза.) Но мы отвлеклись от предмета нашего разговора. Так кто же шлет привет из Айзенаха?

Школяр. Вы что простого языка не понимаете, наверное, всему виной мой диалект, тогда могу я вам все повторить и на латыни; что некто по фамилии Гота, семьи по праву родовитой, но обедневшей, чей род восходит еще к сенаторам древнего Рима, вдруг от скуки решил вам написать письмо. Но вскоре передумал, и разорвал его, и в тот же час решил послать гонца.

Кротус (входит и стоит в дверях). Ну, вы скоро!

Мартин. Закрой дверь.

Кротус. Что за тон?

Мартин (повышает голос). Дверь!

Кротус. Ну, хорошо магистр, как прикажешь (закрывает за собой дверь).

Школяр. Что за перемена настроения? Не пойму. Какая разница кто вам пишет из семьи этих гордых патрициев?

Мартин. Ты долго меня будешь водить за нос!

Школяр. Я и не начинал еще.

Мартин. Все-таки, зря я спас тебя.

Школяр. Совершили доброе дело и уже раскаялись.

Мартин. Очевидно, что Кротус посильней тебя.

Школяр. И слабый может победить, когда в нем сердце храбро бьется.

Мартин. Так ты назовешь мне все-таки того, кто пишет мне?

Школяр. Ну, писать вам могут либо он: Конрад Гота или она, Урсула Гота.

Мартин. Так, значит, Конрад Гота мне на словах передает привет!

Школяр. Вы ждете от него вестей?

Мартин. Как будто нет.

Школяр. Тогда откуда вам известно, что муж Урсулы пишет вам?

Мартин. Разве это все не так?

Школяр. Вы на вопрос вопросом отвечаете, магистр. Но вам скажу, что в этом мире все возможно.

Мартин. Так значит, тебя сама Урсула просила передать мне на словах ...

Кротус (нервно вбегает в комнату). Все время вышло. Если мы сейчас не поторопимся, то, мы обречены, всю ночь слышать блеяния этого ученика.

Мартин. Иди один.

Кротус. Мартин, но без тебя веселье не веселье!

Мартин. И без меня вы погуляете на славу. Ты видишь, что сейчас я очень занят!

Кротус. Ну, что тебе юнец из Айзенаха, когда твои друзья, Гертруда ждут тебя?!

Мартин. Убирайся.

Кротус (злобно). Ну, погоди, крестьянский сын. Ты слишком возомнил о своих талантах. Тебе ходить за плугом или в навозе ковыряться, а не сидеть со мной, с дворянином за одним столом.

Мартин. Всегда к услугам вашим, Кротус Рубианус.

Кротус. Ты мне бросаешь вызов? Ты — простолюдник! Ничтожество! Отродье!

Мартин. Ну, хоть язык смелее трусливого хозяина.

Кротус. Да я тебя....

Лютер и Рубианус стремительно направляются друг к другу, чтобы от слов перейти к делу. Но школяр мужественно становится между ними.

Школяр. Ну, что вы петухи, угомонитесь! Мне жаль, что от вашего веселого настроения не осталось и следа. И в этом есть - моя вина.

Кротус. Школяр, будь так добр, оставь уже ты нас, наедине.

Школяр. Никогда я не оставлю вас.

Мартин. Жаль, что ты не все успел мне рассказать, но попросаемся на всякий случай.

Кротус. Смотри, как я разделаюсь, с магистром.

Мартин. Кто раньше хвалится, всегда дрожит от страха.

Школяр. Вас заклинаю: именем ваших матерей, сестер и жен прошу, остановитесь.

Кротус. Каких еще там жен? Что ты несешь!

Школяр. Тогда возлюбленных. Не проливайте ни своей и ни чужой христианской крови.

Ну, повздорили между собой, как все друзья. Прошу вас: забудьте прошлые обиды и пожмите в знак примирения ваши руки.

Кротус. Никогда.

Мартин. Ни за что.

Школяр. Что я наделала! Но ради всего святого в этой грешной жизни, опомнитесь.

Кротус. Самое святое для мужчины - честь.

Мартин. К тому же, незапятнанная честь.

Кротус. Эй, крестьянский сын, а ты уже считай, покойник.

Мартин. Мы все — живые мертвецы. И смерти никому не избежать.

Школяр храбро стоит между противоборствующими сторонами и из последних сил пытается не допустить кровавой развязки.

Школяр. Ваша мужская честь - дьявольское изобретение. Вспомните, сейчас о том, кто страдал за вас и умер в муках.

Кротус. Кто такой?

Школяр. Именем Христа прошу вас примириться. О милосердии, молю. Неужто кровь его напрасно пролилась?!

Кротус. К его крови пролью я кровь магистра.

Мартин. А я проверю твою, на цвет - голубую кровь.

Школяр. Ну, может для вас другое имя свято?

Кротус. Такого имени я не знаю.

Школяр. А для вас, магистр?

Мартин. И под пытками вы не услышите его.

Школяр. Храните же, его, как прежде в своем сердце. Пусть тайна сохранит ваш идеал, но заклинаю, подумайте, как вы в глаза его посмотрите, когда из честолюбия прольете даже каплю невинной крови.

Кротус. И ангел твой, Гертруда, не спасет тебя сейчас.

Мартин. Она здесь ни при чем!

Кротус. И грешники пытаются схватиться за дары святые.

Мартин. Еще слово Кротус и я обнажу свой кинжал.

Кротус. Ты грязный крестьянский сын, и твой отец такой же!

Мартин выхватывает кинжал из ножен.

Школяр. Прекратите же, наконец. Мне больше не сдержать вас. (От напряжения у школяра на глазах проступают слезы.)

Кротус. А ты хороший малый, латинянин. Только вот прошу, не плачь. Утри, слезу

Мартин. Мы вдвоем, одной твоей слезы не стоим.
Кротус. Ты - школяр, мужчина, как ни как!
Мартин. Надо быть посдержанней, гонец из Айзенаха.
Школяр. Меня учите, сколько влезет, лишь примиритесь.
Кротус. Нет.
Мартин. Никогда
Школяр. Тогда вам назло, я как девчонка разрыдаюсь. (Громко плачет.)

Мужчины останавливают свое противоборство и начинают, как могут утешать ученика латинской школы.

Кротус (подбадривает ученика и пытается обнять его). Брось реветь! Я ненавижу эту сырость.
Мартин. Хотя бы плачь, потише.
Школяр. Не могу.
Кротус. Почему?
Школяр. Потому что я вас боюсь.
Мартин. Что ты наделал, Кротус? Напугал мальчишку до полусмерти.
Кротус. Кто я? (Пауза.) Тоже сам хорош. Кинжал свой обнажил. Может, ты его поранил?
Мартин. Исключено. Ведь я за лезвие держался, а школяр за рукоять. (Пауза.)
Кротус. Наш латинянин совсем расклеился! Слышишь, как жалостливо воет.
Школяр. Жестокие и бездушные существа. Я не хочу вас больше видеть. И не скажу, что просила передать для вас магистр, Урсула Гота!
Мартин. Так ты от нее спешил ко мне? Что ж раньше ты молчал!
Школяр. Скажешь тут. Меня чуть не убили!
Мартин (радушно обнимает ученика). Эх, ты, пугливый латинянин.
Кротус (несколько раз повторяет женское имя). Урсула Гота. Фамилия мне не знакома, а вот имя...
Мартин. Молчи, ни слова больше.
Кротус. Ты это имя повторяешь день и ночь. И меня заставил вызубрить его. Ты на нем свихнулся даже.
Мартин. Прошу не упоминай, это имя всуе. Если для тебя дорого все то, что нас связывало раньше, друг.
Кротус. Друг! Ах, вот, как ты сейчас заговорил.
Мартин. Прости меня.
Кротус. Никогда.
Мартин. Тогда прошу, оставь нас.
Кротус. Оставляю. Пойду в трактир и выпью на твои же деньги за тебя, чтоб никогда ты не нашел покоя. Крестьянский сын (уходит и сильно хлопает дверью). Пауза.

Школяр. Он вас простит, верьте моему сердцу. Если не сегодня, так непременно завтра.
Мартин. И все-таки, как жаль, что ты забыл слова Урсулы.
Школяр. И мне поверьте, жаль, магистр.
Мартин. Так долго весточки я ждал из Айзенаха. Четырех долгих года и вот... а ты. Ну, делать нечего. И все-таки как больно... как обидно.
Школяр. Ну, мне пора. А то и впрямь закроются ворота вашей бурсы, и жди тут с вами до утра.
Мартин. Но Расскажи мне, хотя бы в двух словах: она жива, здорова?!

Школяр. Когда я уезжал, с ней было все в порядке. Сейчас не знаю.
Мартин. Хвала создателю. Пусть он хранит Урсулу и всех ее родных, как можно дольше. И пусть ничто ее святой души не омрачит. Но если до сих пор, ты слов ее не в силах вспомнить, то, поведай мне, что в сердце у нее.

Школяр. Что в сердце у Урсулы? Это тайна...

Мартин. Но ты же лицезрел ее!

Школяр (говорит равнодушно). Ну, видел. Что с того?

Мартин. И вижу, что ты так ничего не понял.

Школяр. А что я должен был понять?

Мартин. Что ты видел лучшую из лучших женщин на земле.

Школяр. К чему такие преувеличения.

Мартин. Молчи, уж лучше. Не то, и мы с тобой сейчас повздорим.

Школяр. Я вижу лишь одно, что в достопочтенном вашем городе мне постоянно угрожают.

Мартин (говорит с грустью). Ты зря грессишь на этот город. Просто ты встретил человека, который ждаты устал, сердечных писем из Айзенаха. Из всех на свете городов, он мне лишь дорог и любим.

Школяр. Почему же Айзенаху вы магистр, отдаете предпочтение?

Мартин. Ведь в нем живет моя Урсула.

Школяр. С каких это пор она вдруг стала вашей?

Мартин. Ты снова ничего не понял!

Школяр. Куда уж мне! Но мне давно пора.

Мартин. Постой. Так ты ее и вправду видел!

Школяр. Все-таки ваш друг был прав, когда сказал, что вы умом своим немного повредились. Я повторю специально лишь для вас, что видел... видел... видел.

Мартин. Тогда позволь мне заглянуть в твои глаза.

Школяр. Какие странные причуды посещают вас, многоуважаемый магистр!

Мартин. Но ведь все так просто. В твоих глазах я смогу ее увидеть. В них непременно должно было остаться отражение Урсулы. (Пытается заглянуть в глаза школяра.)

Школяр. Ни за что.

Мартин. Как ты жесток. Со мной не хочешь поделиться ее волшебным светом.

Школяр. Здесь и вправду, так темно, что нам недостаёт простого света. Куда уж до волшебного. Пожалуй, пора зажечь еще одну свечу, Мартин Лютер.

Мартин. Хорошо. (Зажигает свечу и вдруг его осеняет, какая-та догадка) Как ты сказал? Повтори!

Школяр. Что повторить?

Мартин. Свою фразу или даже нет, просто мое имя.

Школяр. Вы что вдруг стали плохо слышать? Одна причуда за другой. Но я не стану повторять его.

Мартин. И даже в малом ты не хочешь поступиться.

Школяр. Зажгите свечи, уважаемый магистр. (Говорит еле слышно.) Мой магистр.

Мартин. Наваждение. Сейчас тебе полностью удалось повторить ее прекрасный голос. Хотя нет — только воссоздать.

Школяр (с иронией). Неужели?

Мартин (говорит закрытыми глазами). Еще.

Школяр. Что еще?

Мартин. Снова назови меня по имени.

Школяр. А что вы уже свое забыли имя?

Мартин. Все может быть. (Пауза.)

Школяр. Ну, извольте. Зажги же, все свечи на земле, мой милый Мартин. Так мало времени у нас с тобой осталось. (Пауза.)

Лютер зажигает все свечи и в комнате становится светло как днем. Школяр снимает с себя капюшон, и перед взором магистра предстает Урсула Гота.

Мартин (крестится). Спаси и сохрани, святая Анна. Это вы?!
Урсула. Да, Мартин, я.

Мартин. В голове моей сейчас переполох, а в груди горячее смятение. Этого не может быть!
Урсула. Но почему магистр?
Мартин. Но как же, еще мгновение назад передо мной стоял ученик латинской школы из Айзенаха, а теперь вы...
Урсула. Мы с этим школяром всего лишь земляки.
Мартин. Все в толк я не возьму, куда же, подевался плаксивый латинянин?
Урсула. Наверное, он удалился по своим делам. Он на отлично выполнил все поручения, и у меня к нему нет, никаких претензий. Может, быть, тебе школяр не по душе пришелся?
Мартин. Отличный мальчик. Видно сразу, с головой. (Пауза.) Как я рад, что снова вижу вас!
Но это действительно вы?
Урсула. Что убедит тебя в правдивости моих слов?!

Мартин. Дайте мне на сохранение ваши руки.
Урсула. Вот они.
Мартин (укрывает руками Урсулы своё лицо). Это они... они... они.
Как прежде, я чувствую их нежность.

Неожиданно в комнату врывается Рубианус. Он не обращает никакого внимания на неожиданное появление Урсулы.

Кротус (нервно ходит по комнате). Все пропало. Все-таки закрыл перед самым моим носом двери, комендант. Теперь я заточен здесь с вами до утра. Проклятье!
Мартин. Кротус, ты зачем вернулся?
Кротус. Не твое дело. Все из-за тебя и школяра (видит перед собой Урсулу). Кто это?
Урсула. Ученик латинской школы.
Кротус. Не слышал, чтобы женщин брали в эту школу! А ты Мартин? Ну и ну! Не знаю ни титула вашего, ни имени, хотя достаточно лишь одним глазом взглянуть на поглупевшее от счастья лицо магистра, чтобы понять, что сама Урсула Гота стоит передо мной.
Мартин. Был бы ты в науках так прилежен!
Кротус. Не наставляй меня магистр, как мне жить. Лучше о себе подумай. (Обращается к Урсуле.) Хочу поделиться с вами опасениями, потому что многим даже невдомек, чем может обернуться для студента, ваше ночное посещение.
Мартин. Сейчас ничто мне угрожать не может. Ведь я уже магистр.
Кротус. Как же юридический факультет? Ты, кажется, и его решил закончить в числе самых лучших.
Мартин. Я никогда не скрывал от тебя, честолюбивых устремлений моего отца.
Кротус. Теперь мне все равно, кто из вас - крестьян, решил забраться, как можно выше. С седьмого неба падать вам не долго.
Мартин. Значит, так тому и быть.
Кротус. Как же честное имя женщины, которое может пострадать?
Мартин. Чего ты хочешь?
Кротус. Ну, ты же голова-магистр, ты и думай.
Мартин. Если денег, вот возьми их все (отдает свой кошелек).
Кротус (взвешивает на правой руке). Не густо. Ты думаешь, этого может мне хватить?!Мартин. Больше у меня, нет, поверь.
Урсула (протягивает свой кошелек). Вот возьмите и мои.
Кротус. Ваши... я не возьму, а вот «отцовские» с большим удовольствием.
Как ты говорил о них «проклятые деньги»!
Мартин. Все деньги - прокляты. Но хоть сейчас оставь нас навсегда.
Кротус. С такими деньгами я нигде не пропаду. Только как же, мне исчезнуть?
Мартин. Как обычно. Через окно!
Урсула. Окно?
Кротус. Госпожа этого еще не знает, что мы используем окно, когда пред нами закрывают

двери.

Урсула. Но ведь это второй этаж!

Кротус. К счастью, что второй этаж, а не колокольня. И лишь, поэтому я не стану вам мешать. Пойду, найду другое окно, этим я пользоваться не стану, чтобы не навлечь на вас людское подозрение. Ох, и погуляю я на славу, Гертруду обниму, а ты забудешь к ней дорогу. (Пауза.) Тебя что, не трогают мои слова, Лютер?

Мартин. Ничуть.

Урсула. Не надо ничего ей говорить.

Мартин. Напротив, скажи Гертруде, что я не люблю ее.

Кротус. Что прямо так, все и сказать?

Мартин. Слово в слово.

Урсула. Но зачем?

Мартин. Затем, что правду надо знать и быть всегда готовым к ней.

Кротус. Еще недавно ты говорил с Гертрудой по-другому.

Мартин. Ты торопился!

Кротус. Ухожу. Ни минуты больше с вами не останусь (уходит в дверь).

Урсула. Но мне тоже надо уходить.

Мартин (холодно). Уходите. Но вот не знаю, как?

Урсула. Знаю лишь одно, что здесь я не могу больше оставаться. Ведь сюда придут!

Мартин. До утра никто вас здесь не потревожит. Все мои товарищи праздновать будут до рассвета.

Урсула. Но я обязана покинуть эти стены, чтоб неприятностей не навлечь на тебя, Мартин.

Мартин. На каждую провинность есть своя цена, и я ее, поверьте, знаю. Ведь деньги и придуманы людьми, чтоб ими и платить за прегрешения.

Урсула. Не понимаю.

Мартин. Ну, к примеру, оскорбление в нашем общежитии карается штрафом в размере двух фунтов воска, которые я должен буду передать на нужды бурсы. Если кто-то бросит камень или обнажит кинжал, заплатит уже три, а вот за драку с причинением увечья, зачинщику придется расстаться уже с двумя золотыми талерами.

Урсула. И правильно. За вами нужен глаз, да глаз. Но женщина, ни при каких условиях не может находиться здесь! Мне нужен ключ.

Мартин. Скорее город Эрфурт сдастся на милость победителя и без боя откроет свои ворота врагу, чем с ключами расстанется наш комендант. Он придерживается одного святого правила, что с восьми часов вечера и до пяти часов утра двери надлежит держать на замке.

Урсула (тяжело вздыхает). Так значит я пленница?!

Мартин. Скорее я в осаде.

Урсула. Не улыбайся, Мартин.

Мартин. Я и не думал.

Урсула. Нет, ты улыбаешься!

Мартин. Вам показалось.

Урсула. Я ясно вижу твою ехидную улыбку на устах.

Мартин. Это не ехидная улыбка, а констатация того лишь факта, что из святого правила не бывает исключения.

Урсула. Тогда ты должен, придумать что-то Мартин!

Мартин. Но, что я могу, Урсула?

Урсула. Ведь ты магистр, Лютер!

Мартин. Магистр, но, к сожалению не бог. (Пауза.) Хотя, я, кажется, уже придумал.

Урсула. Что?

Мартин. Надо прокричать всего одно лишь слово и тогда все это сонное царство превратится в жалящий осиный рой. (Лютер кричит во все горло.) Пожар!!!

Урсула. Ты что ополоумел, Мартин! Не смей такое говорить.

Мартин (переходит на нормальный тон). А что не так? Отличная идея.

Урсула. Да, уж, лучше некуда. Ну, кто кричит пожар, когда пожара нет.

Мартин. Нет. Тогда сейчас он будет!

Лютер играет кремневой зажигалкой в руках.

Урсула. Отдай мне кремь и больше не высекай искру.

Мартин. Но ведь не бывает пожара без огня. Согласитесь, Урсула, что это противоречит здравому смыслу.

Урсула (отбирает кремь из рук магистра). Такую глупость я впервые вижу.

Мартин. Неужели в первый раз?

Урсула. Представь себе. Ты произвел на меня такое впечатление...

Мартин. А мне так хочется его усилить.

Урсула. Прошу тебя не надо.

Мартин. Но, что же сделать, чтобы вас из этих стен освободить? Может это!

Урсула. Что это?

Мартин. Согласен с вами, что кричать «пожар» не следует. Младенцев этим не испугать, а так невинным восклицанием...

Урсула (смотрит с подозрением). Каким же?

Мартин (кричит во весь голос). Чума! Чума! Чума!

Урсула. Час от часу не легче. Немедленно, замолчи. Ведь ты сейчас не только общежитие, ты весь город на ноги поднимаешь!

Мартин (расстроен). А я для вас так старался! Но все вам невпопад: пожар вам не по вкусу, чума тоже не подходит, ага, здесь нужно событие вселенского масштаба, чтоб наконец-то вы обрели свободу! Ну, и задачка, право слово, не простая.

Урсула. Только Мартин позволь мне для начала дать тебе один совет. Когда ты снова что-то сумасшедшее придумаешь, то, сразу не кричи, а скажи это сначала тихо мне, а я уже сама решу, стоит ли тебе так надрываться.

Мартин. Легко сказать, придумай, событие вселенского масштаба. Да, тут не то, что целой ночи, всей жизни может не хватить. (Пауза.) Нет, я действительно бессилён.

Урсула. Я так и думала. Я всегда была невысокого мнения о тебе магистр.

Мартин. Это что, вызов?

Урсула. Это, как ты ранее говорил, констатация того лишь факта, что не всем бог дает...

Мартин (прерывает Урсулу). ...Мозги.

Урсула. Ум Мартин, а не мозги. Хотя в твоём случае...

Мартин. Ну, погодите, бесстрашная Урсула сейчас я напугаю своими мозгами не только весь подлунный мир, но и вас.

Урсула. Я вся к твоим услугам.

Мартин (говорит дрожащим голосом). Какое горе пало на весь христианский мир! Готов я разрыдаться, как мальчишка.

Урсула. Что же случилось в мире, что тебя магистр так печалит?

Магистр. Как вы не знаете?

Урсула. Что я не еще знаю?

Магистр (чуть не плача). Папа Римский...

Урсула (насторожившись). Что с папой?

Магистр (говорит громко). Папа Римский умер.

Урсула (испуганно). От чего? Когда?

Мартин. Отчего не знаю. А умер только что! Минуты не прошло, а он уже почил.

Урсула. Это верно?

Мартин. Вернее не бывает. Папа Римский мертв (плачет). (Несколько раз повторяет свою фразу, закрыв лицо руками, но при этом он ревниво наблюдает за реакцией на свои слова за Урсулой.) (Пауза.) А вы Урсула, почему не плачете? Вы что не любите его?

Урсула. За такие слова тебе язык отрезать надо.

Мартин. ...И лучше с головой!

Урсула. Мартин, прошу, не накликай на себя беду. И больше никогда, так не говори.

Мартин. Но ведь он действительно...

Урсула (несильно бьет Мартина по губам). Это богохульство.

Мартин. Зато весть вселенского масштаба, как и обещал я вам.

Урсула. Спасибо тебе, Мартин, за плохие вести.

Мартин. Пожалуйста. (В общежитие по-прежнему стоит мертвая тишина.) (Пауза.)

А наша бурса спит как прежде, и не торопится открыть вам двери настежь.

Урсула. Ну, что же, если действительно нет выхода из этих стен, тогда должны мы запастись терпением.

Мартин (весело). Ура!

Урсула. Что?

Мартин (опомнившись, говорит уже с грустью). Я, как и вы с несчастной участью смирился!

Урсула. На твоём месте я не стала бы так открыто выражать подлинные чувства.

Мартин. О чем сейчас вы говорите, Урсула? Ведь именно меня постигло злоключение и не вы, а я всю ночь должен провести с учеником латинской школы. Когда в кругу друзей мог бы веселиться до утра!

Урсула. ...В объятиях Гертруды!

Мартин. О ней я, кстати, позабыл совсем. Зачем вы без того омрачаете мое существование?

Урсула. Мартин, не улыбайся мне.

Мартин. Скажу вам по секрету госпожа Гота, что и на этот раз вы не правы. Всею виной мимика моего лица. Все думают, что я смеюсь, а в глубине своей души, я горько плачу.

Урсула. Вижу. Рот твой прямо до ушей. Нельзя же так сквозь зубы плакать. (Пауза.)

Ну, что будем делать?

Мартин. Не знаю, что вы намерены предпринять, а я давно приступил к исполнению своих не легких обязанностей.

Урсула. И каких же?

Мартин. Как же! Я вот уже как два часа щедро покровительствую вам. (Говорит серьезно.)

Позвольте мне, Урсула, частью этого вечера и нашей с вами общей ночи, хоть немного отплатить вам за тот заботливый приют, который вы предоставляли мне столько лет.

Урсула. Ты платишь за добро добром?!

Мартин. Увы, моего радушия не так и много.

Урсула. Я думала, ты вырос Мартин, а ты все тот же сумасбродный юноша.

Мартин (высокомерно). Прошу прощения. Я все-таки магистр и прошу вас с почтением ко мне обращаться.

Урсула. Скажите, пожалуйста, магистр! И что же ты изучал?

Мартин (говорит на одном дыхании). Грамматику, риторику, логику, математику, физику, метафизику и этику.

Урсула. По этике ты скорей всего, провалил экзамен.

Мартин. Вот как раз с этикой у меня не было никаких проблем.

Урсула. И как велики твои знания Мартин? Расскажи.

Мартин. Они как велики, так и величественны.

Урсула. Что ж послушаем.

Мартин. Не досуг.

Урсула. Действительно знания твои велики...

Мартин. ... И величественны. (Говорит быстро и монотонно.) Все есть движение, поскольку через движение осуществляются изменения и вследствие этого предпосылки возможного переходят в реальность. Вселенная вращается в десяти окружностях. Семь небесных планет, звездный купол, кристалл неба и движущая сфера вращаются вокруг земли. (Пауза.)

Ну, как?

Урсула. Увы, я должна тебе с величайшим прискорбием заявить, магистр, что и в науках ты не сильно преуспел.

Мартин. Что ж тут удивительно, я всегда неважно учился. Все учителя отмечали мою прирожденную тупость.

Урсула. Как же ты попал в один из лучших университетов Европы?

Мартин. Скорее, случайно. Невежество моего учителя из Айзенаха, который, не знаю, почему, решил все-таки выдать мне рекомендательное письмо для нашего ректора, и повлияло на мою судьбу.

Урсула. Но титул бакалавра ты получил двенадцатым из пятидесяти семи студентов.

Мартин (мягко поправляет). Тринадцатым.

Урсула. И на магистра ты сдал первым из семнадцати сокурсников.

Мартин. Нет, вторым. Только откуда вам это все известно?

Урсула. Сорока на хвосте мне принесла.

Мартин. Так все это время... Неужели вы тоже вспоминали обо мне? (Пауза.)

И рекомендательное письмо дело ваших рук!

Урсула. Какое рекомендательное письмо?

Мартин. Урсула!

Урсула. О нем, я впервые слышу.

Мартин (удрученно). Теперь мне все понятно.

Урсула. Твоя научная степень лучшее доказательство того, что письмо выдано тебе по праву.

Мартин (обижен). Так это все же, правда. Тогда мой долг вырос перед вами до астрономических размеров.

Урсула. Ну, коль в долгу, тогда плати.

Мартин. Я напишу отцу, и он вам все с процентами вернет.

Урсула. Значит, ты пользовался моим гостеприимством, а теперь отец должен мне покрыть твои долги?!

Мартин. Но, у меня ничего нет.

Урсула. Я знаю, что брат-студент вечно беден, но не настолько, чтобы путнику не предложить хотя бы черствый хлеб и глоток воды!

Мартин (с ужасом). Вы голодны?

Урсула (попятив взор). Немного.

Мартин. Какой же я осел, что спрашиваю вас об этом. Ведь вы с дороги. Сейчас (пытается выйти из комнаты, но Урсула удерживает Мартина).

Урсула. Ты куда?

Мартин. На кухню. Она на первом этаже у нас.

Урсула. Не надо, не ходи туда.

Мартин. Но вы же голодны, я быстро.

Урсула. И даже на минуту не хочу с тобой расстаться.

Мартин (ошеломлен). Это правда?

Урсула. Зачем же мне обманывать тебя, магистр?

Мартин. Но с голоду я не позволю вам умереть.

Лютер быстро ходит по комнате и собирает из тумбочек студентов съестные припасы и ставит их на общий стол.

Урсула. Что ты делаешь, Мартин?

Мартин. Собираю вам на стол.

Урсула. Но это же, все не твое?

Мартин. Правда, не моё, потому что оно теперь все стало - вашим.

Урсула. Неужели ты промышляешь воровством?

Мартин. Лишь изредка и больше по ночам. Но дать ближнему немного ветчины, сыра, хлеба и овощей, никакого не воровство. Верьте мне. (Пауза.) Ах, да я где-то видел еще кружку пива.

Урсула. Пива!

Мартин (после недолгих поисков ставит кружку с пивом на стол). Его мы пьем вместо воды.

Урсула. А когда нет, пива?

Мартин. Пьем вино.

Урсула. Когда же нет, вина?

Мартин. Вопрос конечно затруднительный, но не для нас студентов, жаждущих и тянущихся трясущейся рукой к новым рецептурным знаниям. Ведь когда нет пива и вина...

Урсула. ...Студенты пьют... воду.

Мартин. Заблуждение. Эту бурду в самом крайнем случае и только перед смертью.

Ведь, слава богу, есть еще и шнапс.

Урсула. Какой святой и не прикрытый грех!

Мартин. ...И не говорите: одна кружка пиво на двоих. (Пауза). Садитесь же к столу, Урсула (садится).

Урсула. Вы неплохо устроились, господа студенты: кормят вас от пуза и женщины навещают вас.

Мартин. Какие женщины, не видел ни одну?!

Урсула. А я?

Мартин. Ты - школяр латинской школы, который сам напросился на ночлег, к тому же ничего не ест. Вам что не нравится?

Урсула. Хлеб украденный, я есть не стану.

Мартин. Ах, вот в чем дело. Ну, тогда я вас утешу. Мы все скидываемся на общий стол, так что, это действительно все - наше.

Урсула. Тогда другое дело. Только не смотри на меня, когда я буду есть.

Мартин. Что я зверь лесной. Я не хочу, чтоб вы от моего взгляда поперхнулись. К тому же я буду очень занят.

Урсула. Чем же?

Мартин. Я стану вам играть на лютне. Ведь пиво без музыки, как трактир без студентов.

Урсула. Но, пиво все равно ты ни капли не получишь от меня.

Мартин. Лишь вздрогнут струны моей лютню, жадная Урсула и вы поймете, как черствы, и как жестоки были к музыканту.

Урсула. Надо еще послушать, как музыкант играет.

Мартин. Он сегодня не только играет, но и поет.

Урсула. В отличие от твоих друзей мне повезло сегодня больше.

Мартин. Не могу не признать того факта, что в ваших словах есть разумное зерно. Но хочу вам заявить, что нет сегодня на земле счастливее человека, чем Мартин Лютер (поет).

An hellen Tagen, Herz, welch ein Schlagen!

Fa – la – la – la – la / la – la – la (2mal)

Himmel dann blauet,

Auge dann schauet,

Herz wohl den beiden

manches vertrauet.

Fa – la – la – la – la / la – la – la.

Auf, lasst uns singen

Zeit froh verbringen!

Fa – la – la – la – la / la – la – la (2mal)

Jugend verblühet,

Alter sich m;het.

Freut Euch der Stunde
in dieser Runde!
Fa – la – la – la – la / la – la – la.

Musik soll erklingen,
Freude uns bringen!
Fa – la – la – la – la / la – la – la (2mal)

Lasset die Sorgen,
denkt nicht an morgen.
Freut Euch der Stunde
in dieser Runde
Fa – la – la – la – la / la – la – la.

Урсула (хлопает в ладоши). Чудесно. Ты и впрямь, Мартин, заслужил свое пиво (передает ему кружку).

Мартин. Только после вас.

Урсула. Но, я уже пила.

Мартин. Это было так давно, что я уже забыл когда. Хочу, чтоб вы сейчас, сию секунду выпили.

Урсула. Ну, хорошо (нарочно долго пьет).

Мартин (возмущенно). Скорее же, подайте мне глиняную кружку, ведь дорого каждое мгновение.

Урсула. Почему?

Мартин (удрученно). Эх, все-таки мы пропустили знаменательный момент.

Урсула. Какой еще момент?

Мартин. Тот миг уст объятий, который зовется брудершафт. Его нам надо срочно повторить.

Урсула. Но кружка ведь одна.

Мартин (чесет свой затылок). Да, не задача. Не соединим, мы значит, наши кружки и пену белым чубом не взобьем, но есть две пары наших уст, а значит не все потеряно.

Урсула. Ах, вот ты какой?!

Мартин. Так положено, что после вашего глотка, пью быстро я, затем я вас или вы меня... целуете.

Урсула. Как ладно, у тебя все получается. Уже и брудершафт придумал.

Мартин (наигранно бурчит). Ничего я не придумывал. Это до меня выдумали умные и щедрые на чувства люди.

Урсула. Ну, если умные, как ты. Тогда я пью!

Мартин. И поскорее. У меня во рту все пересохло. (Урсула пьет). Эй, не так много!

Урсула. Какой ты жадный, господин магистр!

Мартин. Я не жадный, только справедливый (отбирает кружку у Урсулы и делает один глоток). Ну, теперь пора.

Урсула. Не понимаю.

Мартин. Время наступило для поцелуя.

Урсула (улыбается). Не может быть.

Мартин. Точно я вам говорю, не сомневайтесь.

Урсула. Ну, хорошо (целуются).

Вскоре Урсула отстраняется от Мартина.

Мартин. Так быстро.

Урсула. Зато пристойно.

Мартин. Может, повторим?

Урсула. Нет.

Мартин. Ну, разве я Урсула виноват, что пиво больше нет. Ведь вы его до капли сами выпили.

Урсула. Здесь пиво не причем. Магистр, будь благоразумен.

Мартин. Не могу. Ведь я четыре долгих года вас не видел.

Урсула. Четыре года, два месяца и тринадцать дней.

(Долгая пауза.)

Мартин. Я знаю, что не красив, и не симпатичен даже, но разве внешний облик сейчас так важен.

Урсула. Не говори так.

Мартин. Если бы вы только знали, как я ненавижу сам себя. Господи, ну, откуда это крупное лицо, толстая и маленькая шея, длинные руки, и тяжелые, неповоротливые ноги.

Урсула. Зачем ты говоришь так о себе?

Мартин. Ах, не утешайте же меня, Урсула. Разве я себя со стороны не вижу.

Ведь все смеются за моей спиной.

Урсула. Но если был бы ты другим, то, я тебя не полюбила бы.

Мартин. И что, вы любите меня таким?

Урсула. Люблю. И другой Мартин Лютер мне не нужен. (Пауза.)

Мартин. Мне кажется, что сейчас в моей груди не одно, а два сердца человеческих живут.

Одно уже смирилось с этой серой жизнью, а другое восстает и неустанно проповедует, что все ещё возможно в этом мире изменить.

Урсула (воскликает). Изменить! Ну, конечно, это слово, я уже слышала сегодня.

Мартин. Где?

Урсула. Какой-то нищий остановил меня, когда я шла к тебе, и вдруг он произнес: «Иди к нему и передай, что больше так не может продолжаться. Грядут великие изменения в сути вещей, которые нам предстоит заново для себя открыть».

Мартин. Странно. А почему он обратился к вам?

Урсула. Не знаю. Но от его взгляда у меня мороз пошел по коже. (Пауза.)

Мартин. Глупец... бродяга... шарлатан... вот тот, кто повстречался с вами на дороге.

Забудьте бедолагу, который сам не знает, что он вам наговорил. Страдания человеческой души, подобно бреду неизлечимого больного.

Урсула. Может ты и прав. (Пауза.) Но уже поздно и пора ложиться.

Мартин. Спать сейчас, когда мое счастье, так близко от меня. Не просите, потому что даже на мгновение я не закрою своих глаз.

Урсула. Скажи мне Мартин, где твоя кровать?

Мартин (упрямо). Не скажу.

Урсула. А я и так это знаю.

Мартин. Вам никогда не угадать!

Урсула (правильно указывает на кровать Мартина). Вот же, она.

Мартин. Действительно. Она и есть. Но как вы догадались?

Урсула (говорит с улыбкой). Потому что только в этом месте, ты не искал для меня еды, а значит здесь и находится твоя кровать. Я права?!

Мартин. Как всегда. К моим многочисленным грехам, я должен вам признаться, принадлежит и мой зверский аппетит.

Урсула. Просто ты еще растешь.

Мартин. А я еще к тому же много пью! И это вы уже никак не спишите на подростковый возраст.

Урсула. Будь осторожен с этим, Мартин. Ведь алкоголь еще никому пользы не принес.

Мартин. Святая истина! Лишь голова на утро от него болит.

Урсула. Вот видишь. (Пауза.) Мне бы хотелось лечь.

Мартин. Ложитесь.

Урсула (ложится в одежде на кровать и ее пледом укрывает Мартин). Ты гостеприимный хозяин, магистр свободных искусств.

Мартин (наигранно). Кто бы сомневался?! (Голос дрожит.) А я?
Урсула. Что ты?
Мартин. Куда мне лечь?
Урсула. На соседнюю кровать, та которая, мне ближе.
Мартин. А может...
Урсула. Ничего у нас с тобой Мартин быть не может.
Мартин. И все-таки?
Урсула. Нет, магистр.
Мартин. Значит, вы отказываете мне!
Урсула. Да.
Мартин. Я понимаю, между нами пропасть! Женщина из аристократической семьи и я - крестьянский сын.
Урсула. Что из того мне, что ты крестьянский сын?! Ведь ты по-прежнему для меня, поющий мальчик.
Мартин. Так вы и это помните!
Урсула. Я помню все, магистр. Когда ходил ты от дома к дому и пением был вынужден, зарабатывать себе на жизнь! Однажды ты пришел весь мокрый от дождя и впервые в твоих глазах стояли слезы.
Мартин. ...Скорее ненависть. Под проливной осенний дождь я пел не меньше часа, и руку протянул, чтобы милостыню за черный труд свой получить, а мне вместо гроша или куска ржаного хлеба...
Урсула. Плохое не надо помнить, Мартин.
Мартин. ...Вместо хлеба мне вложили в руку камень. В тот день я проклял бога!
Урсула. За все, что нам ниспошлет господь, смиренно мы должны его благодарить.
Мартин. Я до сих пор вздрагиваю, когда слышу слово «Бог». Вот тот, кто ненавидит меня больше всех!
Урсула. Не правда. Он тебя, как прежде, любит.
Мартин. Неужели и за этот камень мне надо благодарить его? Это все на что он был способен? Это и есть его награда?! Не слишком то, он щедр!
Урсула. В тебе сейчас обида Мартин говорит. Но подумай, ведь не он, не бог, а уставший и не слишком добрый человек подал тебе тот злополучный камень. Прости его!
Мартин. Человека может я, и прощу, а вот его, кто создал нас, людей такими - никогда.
Урсула. Такими мы стали сами. В его стремлении высоком он создал нас по образу и подобию своему, а значит совершенными, бессмертными, но мы к несчастью согрешили, и значит, предали его. (Пауза.) А ты не думаешь магистр, что этот камень знак тебе? Быть может это тот краугольный камень, на котором ты заложишь фундамент нашей новой веры!
Мартин. Но вера у нас есть.
Урсула. Как будто она и вправду, есть. Но вера наша таким человеческим невежеством и глупостью искажена, что, кажется, ее и вовсе, нет. Одни лишь вызубренные молитвы и суеверия, поклонения рукотворным идолам и человеческим останкам, которые мы называем святыми и исцеляющими.
Мартин (как будто не слышит слов Урсулы). Вы что, боитесь согрешить со мной?
Урсула (в смятении). Да, я ужасно этого боюсь. Но бог предаст мне силы, чтобы я смогла противостоять дьявольскому искушению.
Мартин. Но этот грех можно искупить?!
Урсула. Скажи мне Мартин, как?
Мартин. По случаю, я купил две индульгенции, которые освобождают каждого от совершенного им ранее греха. Я только впишу в них наши имена, и тогда мы будем снова; чисты и непорочны.
Урсула (разочарованно). И это говорит магистр?!
Мартин. Но они же освящены, папой Римским!

Урсула. Что это меняет?

Мартин. Не понимаю. Ведь папа наместник бога на земле, первая ступень к его престолу.

Урсула. И даже папа Римский не в силах отпустить мои грехи.

Мартин. Опомнитесь Урсула, что вы говорите! Желаете, я внесу только ваше имя в две незаполненные грамоты?!

Урсула. А твое имя?

Мартин. Что произойдет потом с моей душой, мне все равно. Только б эту ночь быть с вами!

Урсула. И ты хочешь, чтобы я приняла такую жертву? Как ты подумать мог, так низко обо мне!

Мартин. Я не хотел обидеть вас, Урсула. Но как же по-другому, получить прощение своих грехов?

Урсула. Есть путь один и этот путь зовется - верой. Той неизменной истине, которой я останусь, навсегда верна.

Мартин. Но ведь я тоже верю в бога.

Урсула. И значит, ты спасешься.

Мартин. Нет, мы оба. Без вас мне ничего не надо. Позвольте, я возьму вас за руку и... все.

Урсула. Хорошо.

Мартин (садится на пол возле кровати Урсулы и крепко держит ее за руку). Тогда я снова счастлив.

Урсула. Мартин, свечи гаснут.

Мартин. Когда я с солнцем, мне ничего не страшно. Я вижу вас и думаю о боге.

(Говорит неуверенно.) Ведь вы сказали мне, что Он меня, как будто любит.

Урсула. Но бог и есть сама любовь! Неужели ты этого еще не понял?!

Мартин. А как же страшный суд?

Урсула. Кто сам любовь, тот дарит лишь ее. Он палачом для нас не станет. Он - верное спасение для людского рода, непреходящая надежда на вечную и прекрасную, как наш создатель, жизнь.

Мартин. Ну, если вечную, то, только с вами, жизнь. На другую я ни за что не соглашусь.

Урсула (вздыхает). Ах, Мартин.

Мартин. Ведь вы моя религия Урсула. И если вы так верите в него, то, и я отныне, обрету небесного отца. (Пауза.) Он был со мной все эти годы, так близко, рядом, но всегда чуть впереди меня. Бог неотступно охранял меня и окликал, но, голоса его, я совсем не слышал, или сказать вернее, слышать не хотел. (Пауза.) Как же я не понял главного. Ведь бог подарил мне вас и этот дар уже бесценен. Урсула! (Тишина.) (Говорит тихо и нежно гладит руку Урсулы.) Она спит?! Спи сладко, лучшее Его творение. Возле тебя приют найду и я. Рука твоя — длань любящего бога. Она меня ведет, хранит, оберегает, но больше я не упущу ее. Один во мраке я не затеряюсь.

Мартин засыпает. Слышно как кто-то идет по коридору, в его руках звенит тяжелая связка ключей. Урсула осторожно встает с кровати, видит спящего Мартина, целует его на прощание и тихо уходит. Буквально следом за ней в комнату вбегает Кротус.

Кротус (тормошит Лютера). Мартин, вставай. Ну, скорей же, просыпайся!

Мартин (спросонья). Кто это?

Кротус. Слышишь, дверь только что отворили, и твоя Урсула ушла.

Мартин (быстро встает с пола). Как ушла? Когда?

Кротус. Только что.

Мартин. Не простившись!

Кротус. Что же ты стоишь, еще не поздно ее догнать.

Мартин. Да, лечу (бежит к двери, но как вкопанный, останавливается перед ней).

Кротус. Ты, почему на месте замер?

Мартин (медленно поворачивается в сторону Кротуса). Впрочем, может это все и к лучшему.

Кротус. Что в расставание может быть хорошего? Не будь ослом, магистр. Беги за ней.
Мартин. Нет.
Кротус. Но хоть сейчас мы можем, обойдемся без дискуссий, и ты просто возвратишь ее обратно.
Мартин. Это невозможно. Прошлое нельзя вернуть.
Кротус. Философ, но на этот раз ты не прав!
Мартин (говорит спокойно). Я знаю.
Кротус. И все равно стоишь столбом?!
Мартин. Как видишь.
Кротус. Но почему, магистр?
Мартин. У нас с Урсулой разные дороги.
Кротус (кричит). Что ты мелишь!
Мартин. Я все уже решил.
Кротус. Может за тебя решили!
Мартин. Тогда б мне было легче.
Кротус. Ну, никогда не мог постичь тебя, и сейчас, увы, бессилён.
Мартин. Ты Кротус, почему так рано? И где все наши?!
Кротус. Наверное, как прежде веселятся.
Мартин (в недоумении). Наверное?
Кротус. Я не был с ними.
Мартин. Где же ты шатался эту ночь?
Кротус. Здесь.
Мартин. Где здесь? Не понимаю.
Кротус. Всю ночь я просидел за этой дверью и слышал слово в слово, ваш разговор.
Мартин. Неужто ради денег, ты готов на все. (Пауза.) Нет, не верю.
Кротус. Чтоб провалились все они. Вот, забирай свои и мои в придачу. (Бросает деньги на стол.) Как я зол был Мартин на тебя...
Мартин. Я признаю, что был не прав. Прости меня, если можешь Кротус.
Кротус. Тебе не за что прощать меня. Это я, на коленях должен умолять, чтоб ты не презирал меня.
Мартин. Но почему?
Кротус. И ты еще спрашиваешь меня? (Пауза.) Ведь я всю жизнь завидовал тебе.
Мартин. Ты? Мне!
Кротус. Да, я, Кротус Рубианус, дворянин, черной завистью завидовал тебе, крестьянский сын.
Мартин. Но в чем же, разреши тебя спросить?
Кротус. Этой ночью я прозрел. Твоя любовь к Урсуле сначала думал я, всему виной, а потом меня вдруг осенило, что я завидую, страдаю и ревную, называй, как хочешь, к тому чувству, которая хранит в своем сердце к тебе Урсула. Ее любовь к тебе, к той непорочной страсти, которая как нимф, как ореол, как талисман хранит тебя магистр от всех земных грехов и искушений. Сначала я был простым свидетелем, затем фискалом ваших чувств, потом обманутым возлюбленным, и, наконец, вашим неподкупным и верным стражем.
Мартин. Кем, кем?
Кротус. Именно, что стражем. Ведь я вас охранял не только от себя, но и от мира, который враг вам, и вы ему чужды. И клянусь тебе, что никто бы не переступил порога вашего недолгого счастья, не сразившись прежде со мной: не на жизнь, а на смерть.
Мартин. Спасибо, друг.
Кротус. Не благодари меня. Я видел то, во что давно не верил. Так ты пойдешь за ней?
Мартин. Нет.
Кротус. Тогда я сам (идет к дверям).
Мартин. Постой! Прежде, позволь с тобой проститься!
Кротус. Как проститься? Сейчас, когда ты стал еще мне ближе и дороже?! Не волнуйся

магистр, я приведу ее сюда, и ты с Урсулой снова объяснишься.

Мартин. Не надо, Кротус.

Кротус. Ты что задумал?

Мартин. Я ухожу.

Кротус. Куда?

Мартин. В монастырь.

Кротус. Час от часу не легче. В какой еще там монастырь?

Мартин. Не все ль равно, так много их разбросано по свету, что выбрать мне один не будет тяжело.

Кротус. Ты обезумел, Мартин!

Мартин. Может быть.

Кротус. Но скажи, когда ты это все решил?

Мартин. Этой летней ночью.

Кротус. Магистр очнись же, наконец, от сна?

Мартин. Как раз это я и сделал!

Кротус. Опомнись, друг. Не совершай роковой ошибки. Провести всю жизнь за стенами монастыря. Ведь это каторга без срока, навсегда. Безумец!

Мартин. Что для души живой какой-то век земной. Всего лишь миг закрытых век. Но вскоре я открою их и с радостью увижу, мою Урсулу. Чтоб больше не расстаться с ней.

Кротус. Похоронить себя в расцвете лет! Как же все, что было ранее с тобой?

Мартин. Оно мертво.

Кротус. И магистр?

Мартин. Да, он умер, но родился...

Кротус (кричит). Кто же?

Мартин. Монах.

Кротус. Пока еще не поздно сделай шаг назад. Вернись на круги свои. Прозри же, человек!

Мартин. Тебя я буду вечно помнить Кротус и всех своих друзей, и недругов, и ты меня запомни, потому что видимся мы в последний раз.

Кротус. Но Мартин...

Мартин. Кончен разговор. Давай сейчас простим, друг другу все обиды и попросаемся как прошлые друзья.

Кротус. Нет, как вечные друзья!

Мартин. Теперь весь мир и все в нем будут братья.

Кротус. И даже я?

Мартин. И ты!

Кротус. А Урсула?

Мартин. Урсула станет мне сестрой, как когда-то матерью была.

Кротус. Зачем же, так обманывать себя, магистр?

Мартин. Все так и есть, и будет, и наверно было. Кажется, я слышу голоса, наши возвращаются с пирушки. Ну, значит все, и проводите меня до врат моей обители.

Кротус (плачет). В последний раз тебя прошу и заклиная, от ереси отрекись своей!

Мартин. Никогда. Мне совесть - это не позволит сделать. А ты не плачь. Хочу, чтобы твоя душа наравне с моей сейчас возликовала и не познала в день разлуки, она мирской печали.

Кротус. Но прежде чем уйдешь, обними меня. (Пауза.) С кем же я теперь останусь, Мартин?

Мартин. Ты, как и я будешь вечно с богом, Кротус. Аминь.

Кротус. Да будет так магистр. И да поможет тебе бог, Мартин Лютер.

Лютер обнимает Рубиануса и они долго так стоят, скрывая в своих объятиях юношеские слезы.

Занавес